

Свобода: взгляд психоаналитика

Понятие «победа» подразумевает вертикаль с победителем и побежденным. В условиях вертикали отношения строить сложно, поэтому в приоритете — построение горизонтальных связей и отношений.

Мазалова Наталья Александровна

- Психолог, психоаналитик
- Член ЕАРПП (Россия, РО-Новосибирск) и ЕСРР (Vienna, Austria)

Вы когда-нибудь бывали на вкусной конференции? Где каждый доклад является отдельным, насыщенным и питательным блюдом, и в то же время все доклады, дополняя и оттеняя друг друга, гармонично сочетаются? Такие конференции делают нас мудрее, компетентнее, укрепляют личную и профессиональную идентичность. Получив доступ к этому бесценному материалу, я растерялась... Что выделить, если так много нового и свежего? Что главное, а что второстепенное, ведь хочется отведать и первое, и второе, и третье?

11 и 12 декабря 2021 года в Новосибирске прошла III конференция ЕАРПП на тему «Свобода: взгляд психоаналитика». Она собрала участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Ижевска, Мурманска, Волгограда, Новосибирска, и даже из Черногории, конференцию можно считать практически международной.

С приветственным словом и размышлениями о понятии «свобода» конференцию открыла *Татьяна Владимировна Мизинова (Москва)*. Были обозначены основные вопросы будущей дискуссии: «Что мы вкладываем в слово „свобода“, за которым у каждого человека стоит свой ряд значимых представлений? Может ли человек быть абсолютно свободен? Возможно ли современному городскому человеку с избытком социальных связей, множеством задач, массой внутренних конфликтов и внешних вызовов, чувствовать себя свободным? Какого рода эта свобода? Как она динамически изменяется в столетиях? Неуверенность, тревога и отчужденность — самые актуальные

симптомы, с которыми и психоаналитики, и их клиенты живут последние 2 года с приходом пандемии. Безусловно, это влияет на внутреннее состояние и ощущение свободы. Цель конференции – поразмышлять вместе об этом, и, возможно, найти ответы хотя бы на некоторые вопросы.

Тимошкина Алина Алексеевна (Москва) в своем докладе «Цена победы в измерении свободы. Взгляд группаналитика» рассказала о нашей организации МОО ЕАРПП. Сегодня ЕАРПП опирается не на отдельную личность, а на Устав, Свидетельство, свое Имя, на мощный фундамент — Закон Российской Федерации. В настоящее время ЕАРПП насчитывает 480 человек, что на 200 человек больше, чем на старте. ЕАРПП создавалась как большая группа, в которой есть все соответствующие групповые феномены — групповая динамика, матрица, сопротивление, антигруппа и подгруппы, которые в здоровом формате представлены в виде региональных отделений и комитетов. В них имеется своя групповая культура, внутри и между ними возможны переговоры и договоренности.

Вы когда-нибудь бывали на вкусной конференции? Где каждый доклад — отдельное, насыщенное и питательное блюдо, и вместе они гармонично сочетаются, дополняя и оттеняя друг друга?
Я растерялась... Что выделить, если так много нового и свежего?
Ведь хочется отведать и первое, и второе, и третье.

Какова же цена этой победы? Достаточно высока, ведь понятие «победа» подразумевает вертикаль с победителем и побежденным. В условиях вертикали отношения строить сложно, поэтому в приоритете – построение горизонтальных связей и отношений.

Во время любого кризиса (революция, война, эпидемия, пандемия) большая группа переживает травматический раскол матрицы. Чрезмерные нагрузки в большой группе приводят к формированию сложных защит, одна из которых – раскол идеологии. Так, три года назад в нашем профессиональном сообществе случился кризис, который активировал три разнонаправленные тенденции: героизацию, маргинализацию и «великую депрессию». Часть коллег яростно боролась «за победу», другие грустили и оплакивали потери, а третьи держались в стороне по принципу: «моя хата с краю». Кризис завершился, и успешно. Следующая задача – заново сплотить группу. Организация живет и развивается, активно проводятся региональные конференции, работают комитеты ЕАРПП, создаются проектные группы для решения отдельных, локальных проблем. Очень важная часть работы по объединению сообщества – это использование группаналитической методологии, в частности – в завершении каждой конференции мы стараемся проводить большие группы. Это – ценный инструмент, позволяющий сформировать безопасное и профессиональное пространство, в том числе для проживания последствий кризиса и для объединения коллег.

Доклад Федорова Яна Олеговича (Санкт-Петербург) «Свобода и ассоциации: независимость психоаналитика в отношениях с анализантом, коллегой, обществом» получился очень личным и предоставил слушателям возможность задуматься о свободе и конфликтах вокруг неё в рамках тела, психики, профессии, общества. Размышления были о том, что на личную свободу влияет государство и его история, местность и этнос, семья с ее традициями, а также образование. На профессиональную свободу влияют обязательные требования организации, факультативные требования, мнения супервизоров, тренинговых аналитиков, супервизантов или анализантов, мнения лидеров и команд с их корпоративной этикой, а также статус в организации.

Ян Олегович спрашивает: «В чем же свобода, брат-аналитик?». И отвечает: «Я думаю, что свобода в амбивалентности, а не в расщепленности; в психоаналитической практике, где чувствуешь себя востребованным; в достатке, пока тот не становится целью; в возможности экспериментировать и сотрудничать; в вероятности выбирать из множества теорий «работающие», которые подходят отдельному психоаналитику. Важно найти свое место в организации. И даже внешние конфликты не делают нас плохими специалистами, но дают нам новый опыт устойчивости и проницаемости личных границ».

Доклад Савичевой Елены Петровны (Москва) «Свобода выбора. Есть ли она?» посвящен свободе внутри психоаналитического пространства в паре «аналитик – пациент». Как часто человек оказывается в ситуации выбора? Несколько раз в день. Есть

Человек думает не только
о «правильности» выбора,
но и о том, приведет ли выбор
к желаемой цели.

ли какой-то принцип, согласно которому человек делает единственный выбор? Да, есть. Человек думает не только о «правильности» выбора, но и о том, приведет ли выбор к желаемой цели. И человек тут же попадает в ловушку, потому что им руководят не только явные, но и скрытые бессознательные мотивы, которые все равно будут проявляться в поведении и влиять на итог. В зависимости от полученных результатов человек будет в последствии или доверять себе, или возникнет страх проявлять инициативу.

Правило свободных ассоциаций предоставляет пациентам полную свободу и является одним из условий контракта. Но так ли это? Например, у пациентов с навязчивыми мыслями возникает проблема с совестью; маниакальным пациентам не требуется поощрение говорить все то, что приходит им в голову; пациентам с психопатическими чертами данное правило включает зеленый свет для вербального отыгрывания. В этих случаях аналитик стоит перед выбором, как подать «основное правило» психоанализа.

Нередко аналитик может наблюдать, как в самом начале терапии пациенты, получая свободу говорить, переживают состояние растерянности, дезориентации, волнения. Казалось бы, вот она, желанная свобода, долгожданная независимость, делай, что хочешь, будь спонтанным. Но нет. Внутренний опорный объект пациента, который разрешает или запрещает движение мысли в определенном направлении, постепенно проявляется в «свободном» пространстве психоаналитического кабинета.

Оказывается, в реальности свободно говорить не только невероятно трудно, но и невозможно. Возможно ли на самом деле говорить все, о чем думаешь, если действия сопротивления и вытеснения никогда не прекращаются? Это — мнимая свобода.

Елена Петровна вспомнила притчу про буриданова осла, который умер между двух стогов сена из-за того, что так и не смог сделать выбор. Ведь самое главное в выборе — это умение вовремя сказать «нет» и пережить отказ от того, что оба варианта одновременно невозможны. Доступность депрессивной позиции, отказ от всемогущества дают нам свободу делать выбор и принимать его последствия.

Гридаева Галина Витальевна (Самара) открыла свой доклад четверостишием Игоря Губермана:

*Всю жизнь готов дробить я камни,
Пока семью кормить пригоден.
Свобода вовсе не нужна мне,
Но надо знать, что я свободен.*

Свобода — в амбивалентности, а не в расщепленности;
в психоаналитической практике, где чувствуешь себя востребованным;
в достатке, пока тот не становится целью; в возможности
экспериментировать и сотрудничать; в вероятности выбирать
из множества теорий «работающие», которые подходят отдельному
психоаналитику.

и предложила участникам конференции найти ответы на следующие вопросы:

- Каковы определения и критерии этапа окончания терапии, преждевременного завершения терапии и обрыва терапии, что в них общего и каковы отличия?
- Что происходит в аналитической паре, если пациент обрывает терапию: что переживает при этом пациент, что чувствует в такие моменты аналитик?
- Каковы признаки критических периодов в терапии, когда вероятны обрывы?
- Обида в психоаналитической паре и ее влияние на преждевременное прекращение терапии.

Галина Витальевна дала определение: «Обрыв терапии или преждевременное прекращение терапии — это внезапный односторонний отказ со стороны пациента от посещения запланированной терапии». Обрыв ожидаем и возможен со стороны следующих пациентов: с пограничным расстройством личности, от нарциссически организованных пациентов, от злоупотребляющих психоактивными химическими веществами, от лиц с примитивными защитными механизмами и доэдипальной патологией, от пациентов с ранним длительным молчанием или с опытом прерывания терапии с предыдущими терапевтами. Обрыв может быть истинным, «ложноположительным» (когда кажется, что терапия прервана, но сохраняется аналитический объект) или «ложноотрицательным» (когда кажется, будто терапия завершена по обоюдной договоренности, но на самом деле это не так и в психотерапевтической паре много недосказанности).

Также тема преждевременного завершения терапии исследовалась с точки зрения стадии психотерапевтического процесса – когда именно происходит обрыв терапии, и что мы можем сделать для профилактики обрыва.

Галина Витальевна закончила доклад фразами: «Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека», «Если есть совместные договоренности и диалог, то это — свободный выбор двоих людей». А также добавила, что «если отношения прекращаются в одностороннем порядке, то имеет место истинный обрыв и отыгрывание ранних травм, что является травматичным для обеих сторон, так как это и есть навязчивое повторение».

«Наивно полагать, что мы свободны», — говорит в своем докладе *Дуплинская Дина Геннадьевна (Черногория)* на тему «Свобода от желания свободы». Свободен ли человек от событий своего прошлого, от ожиданий в настоящем и от беспокойства о будущем? Разве нет ощущения давления времён? Разве мы свободны от ощущения себя во времени? «Здесь и сейчас — набившее оскомину выражение, но так и не достигнутое состояние», — метко подмечает Дина Геннадьевна.

Еще Спиноза говорил, что *люди заблуждаются, считая себя свободными; они осознают свои желания и стремления, но не причины, которые заставляют их желать и стремиться к чему-то, напоминают о детерминированности различных областей человеческой психики — биологической, социальной и индивидуальной — от которых никто не свободен. Да, люди зависимы от естественных законов природы. Да, они подчиняются гласным и негласным законам социальной среды. Да, они находятся во власти того языка отношений, который когда-то им предложили.*

Люди заблуждаются, считая себя свободными; они осознают свои желания и стремления, но не причины, которые заставляют их желать и стремиться к чему-то, напоминают о детерминированности различных областей человеческой психики — биологической, социальной и индивидуальной, от которых никто не свободен.

Не свободен ни пациент, ни аналитик. Пациент стремится освободиться от гнета прошлого, а психоаналитик имеет надежду помочь пациенту перестать быть пленником минувших событий посредством регресса.

Психоанализ — это этическая практика, в рамках которой аналитик в кабинете всегда выбирает жизнь, а не смерть; любовь, а не ненависть; правду, а не ложь, понимая и принимая при этом существование и того, и другого.

Дина Геннадьевна соглашается со словами Антонино Ферро: «Аналитик — это комментатор текста пациента, это историк клинического случая. В этом смысле психоаналитик — это не предок, а потомок пациента. И как гарант сеттинга, и как гарант переноса, аналитик является чаще всего родителем. Вернуться вспять и исправить прошлое невозможно, можно только анализировать». «А значит мне, — продолжает Дина Геннадьевна, — легче освободить себя как аналитика от желания вторгаться в жизнь пациента и яснее понять высказывание Биона о том, что у аналитика не должно быть ни памяти, ни желаний».

Дина Геннадьевна завершает свой доклад словами: «Конструкт родился такой: субъект, априори, не свободен, мотивирован ощущением неволи искать и думать. Он обращается к психоаналитику на стадии страдания, предполагая, что у аналитика есть инструмент обнаружить себя «здесь и сейчас». И в длительном процессе терапии он оставит попытки игнорировать существование бессознательного и, приняв ограничения суперэго, вдруг сможет осознать свою несвободу. И в этот момент желание стать свободным уже не управляет им. Свобода — не столько способность, сколько процесс. Закончу словами Мишеля Фуко: «Свободен тот, кто свободен от самого себя».

«Бегство мимо свободы» — так называется доклад Львова Дмитрия Михайловича (*Самара*), в котором он предлагает слушателям взглянуть на все человечество как на одного клиента, хотя масштаб обсуждаемой группы огромен — около 8 миллиардов человек¹. Для исследования данного «клиента» и его свободы можно применить классический метод, который используется на начальном этапе психотерапии: собрать анамнез, описать симптом, исследовать среду обитания, сформировать гипотезу и определить терапевтические цели.

Клиент обратился с проблемой хронической фрустрации в отношениях со свободой и говорит, что «чем большую свободу получает человечество, тем меньше её у каждого отдельного человека», «свобода — это реальная власть делать определенные вещи,

1 <https://www.worldometers.info>

поэтому требования свободы — это требования и власти, однако, чем громче человек кричит о свободе, тем неохотнее он ее терпит, поэтому для него нет ничего невыносимее свободы, и, выбирая между свободой и бутербродом, человек обязательно выбирает бутерброд».

Запрос клиента. Что первично: объективная реальность или субъективная чувственность? Что есть правда: происходящее со мной или мое восприятие происходящего? И как оставаться собой, будучи как все?

Из рассказов о жизни очевидно, что клиент предпочитает борьбу и противостояние. Почему так? Потому что одного доброго слова недостаточно, а вот с помощью доброго слова и пистолета у него получается намного лучше.

Как выглядит среда обитания клиента? Мир, в котором обитает клиент, прекрасен, но полон кризисов.

Кризис ценностей — мир клиента противоречив и неоднозначен, в нем все подвергается сомнению и критике, и даже сомнения и критика подвергаются сомнению и критике. В его мире патология нормальна, а норма патологична. Прежние грехи и пороки задают тон и стиль, а достоинства высмеиваются и принижаются. Правды нет, но есть множество правдивых правд, каждая из которых подлинна. В душе все так же противоречиво, как и во внешнем мире.

Кризис культуры можно расценить как кризис постпостмодернизма. Царствует меркантилизм и собственнические идеалы. Но это лишь вершина айсберга. В глубине происходят более сложные и серьезные процессы. Если модернизм отрицал бога, то постпостмодернизм говорит, что бог не просто умер, а что его никогда и не было. Тысячелетия традиций религии отправляются на свалку, а в эту пустоту направляется хаос и порождает эстетику ужаса: блистательного, завораживающего и бессмысленного. Ничто, отсутствие, бессмыслица — центральная тема искусства, и человеку нет места в этой эстетике. Человек интересен тогда, когда он может быть полезен. Лучано Паваротти и Ольга Бузова теперь равноценные деятели культуры. Культура — сама по себе, человек — сам по себе.

Идеологический кризис. Экономическая и политическая жизнь пасуют перед вызовами реальности. Отказывают абсолютно все механизмы регулирования. Контакт между властью и обществом минимален. Чем выше уровень среднестатистического гражданина, тем очевиднее разница между богатыми и бедными. Чем свободнее рынок, тем невыносимее его условия. Чем лояльнее и либеральнее режим, тем выше уровень напряжения в обществе. Чем авторитарнее и деспотичнее, тем общество независимее. И в обоих случаях на него никак нельзя положиться.

Экологический кризис. Мир меняется, природные катаклизмы и катастрофы

Аналитик — это комментатор текста пациента, это — историк клинического случая. В этом смысле психоаналитик — это не предок, а потомок пациента.

Чем большую свободу получает человечество, тем меньше её у каждого отдельного человека.

Сейчас вся наша свобода сводится к тому, чтобы иметь право нарушать родительские запреты. Мы как будто ждем, что нам разрешат то, что прежде запрещали. И все это не про свободу. Это — бегство мимо свободы.

преследуют человечество. И так во всех сферах: от загрязненности воздуха до истощения недр. Как говорит сам клиент, у него складывается ощущение, что планета хочет стряхнуть его со своей поверхности.

Терапевтическая гипотеза: совокупный анализ полученных данных не оставляет сомнений, что мы имеем дело с пограничным клиентом. В контрпереносе переживается высокоамплитудная гамма противоречивых чувств: от сочувствия и почти слезной нежности до раздражения и смертельной ненависти. Помимо этого, наблюдается устойчивая тревога, ощущение угрозы физической целостности при внешнем кажущемся благополучии. В отношениях «здесь и сейчас» нет ничего угрожающего, и от этого наваливается странная растерянность и непонимание, что с этим делать: спасать или спастись.

Терапевтические цели. Одной из задач, которую предстоит решить человечеству, — научиться самостоятельности и автономности, чтобы быть эффективным и удовлетворенным. Ему необходимо научиться самостоятельно о себе заботиться, самому создавать молоко, а не выгрызть его из материнской груди. Не выкачивать и выкорчевывать необходимое из окружающего мира и других людей, а создавать ресурс: когда индивидуально, а когда и кооперируясь с другими на принципах взаимовыгодного обмена. Важно научиться находить замещающие объекты, договариваться с ними.

Дмитрий Михайлович считает: «Сейчас вся наша свобода сводится к тому, чтобы иметь право нарушать родительские запреты. Мы как будто ждем, что нам разрешат то, что прежде запрещали. И все это не про свободу. Это бегство мимо свободы».

В следующей работе «Традиционный и современный уклад жизни: свободны ли мы в сегодняшнем мире?», автором которой является Людмила Салтанова (Новосибирск), представлены размышления о власти бессознательного в традиционном и современном обществах. Она попробовала провести параллели между практикой психоанализа в кабинете между аналитиком и анализантом и обрядовыми комплексами.

Традиционная картина мира представлялась нашим предкам в двух мирах: «этот свет» и «тот свет». И если с пониманием «этого света» все более-менее понятно, то «тот

Сама практика психоанализа, как поиск понимания и договоренности между сознательными и бессознательными частями психики, решает ту же задачу, что и обряд в традиционном обществе.

свет» представлялся местом обитания высших сил, мифических существ, предков, персонифицированных сил природы, наделенных властью над «этим светом». С помощью обрядов, календарных или семейных, «этот свет» вступал в диалог с «тем светом» по принципу «ты мне — я тебе» с целью договориться о помощи или о невреде. Так возник регламентированный договор между социумом и некими высшими силами, направленный на выживание, процветание и снятие тревожности общества.

«Этот» и «тот свет» в некотором смысле напоминает сознательные и бессознательные психические процессы. Разве «этот свет» не похож на эго, обращенное в социум и тестирующее реальность? Разве «тот свет» не аналогичен ид и супер-эго, как сосредоточию тех самых мифических существ, памяти предков и высших сил, которые пугают, заволашеивают и находятся вне нашей власти? И сама практика психоанализа, как поиск понимания и договоренности между сознательными и бессознательными частями психики, решает ту же задачу, что и обряд в традиционном обществе.

Например, кое-где до сих пор сохранились святочные обряды, при которых колядующие представляют собой мифические силы и обходят всю деревню. А общее сжигание коляды и масленицы? А праздник жатвы всей деревней? Что это, как не групповая рамка со своими правилами, которые строго исполняются? Это ли не контейнер для отреагирования существующих чувств?

Травму можно понимать как неудачу в том, что выразительными средствами, которые используются психикой (метафорой и метанимией) приходится выражать нечто, что существует только в этой выразительной форме и всегда не соответствует тому, что оно пытается изобразить.

Однако, есть разница, и она весьма существенна. В традиционном обществе в обрядах участвовала вся деревня, это — универсальный опыт, через который должен был пройти человек (даже вне зависимости от своего желания). Сегодня мы лишились многих обрядов, а главное — лишились этой обязательности, неизбежности прохождения обрядов. Но, освободившись от принуждения обряда, стали ли мы свободнее и гармоничнее? Психические задачи, которые помогал решать обряд, остаются без универсальной практики решения. Их приходится решать каждому в одиночку, вне традиции. Психоаналитическая практика, терапия — один из способов решить задачи перехода, договора между «тем» и «этим» светом, между бессознательными мотивами, требованиями и сознательным представлением о себе.

Людмила Салтанова заключила, что невозможно ответить на вопрос, насколько традиционный человек был свободнее или несвободнее современного человека от власти бессознательного. Тем не менее, у него были индивидуальные и общественные инструменты взаимодействия с бессознательным, в отличие от современного человека, живущего в современном обществе потребления, отчуждения от себя и погружения в виртуальный мир.

Целью психоанализа является обнаружение повторяющихся тем и сюжетов, чтобы «расколдовать» повторяемость, снять зачарованность сюжетом и в результате выйти из череды повторений.

Доклады специалистов лакановского направления подобны струе свежего воздуха. Одним из таких стал доклад *Зайцева Константина (Новосибирск) «Психоанализ как практика свободы»*, который начинался со слов: «Во время изучения темы «Этика психоанализа» пришло приглашение к участию в этой конференции на тему «Свобода». В тот момент я был поражен фразой Ж. Лакана: «Что мы в психоанализе ищем, как не истину? Истину, которая сделала бы нас свободными?». Мне захотелось порассуждать об этой фразе. О какой истине идет речь и как она может сделать человека свободным?».

Константин Зайцев вспоминает, что психоаналитическая практика возникла как столкновение со страданием — неким аналогом боли, терпения и несвободы. Так же мы сталкиваемся с повторением того, чего не хотелось бы говорить и делать — с навязчивым повторением страдания, что Ж.Лакан назвал «автоматом».

В чем же причина повторений? Традиционно считается, что причиной является травма, и эта мысль восходит к Фрейду. В докладе Константина появляется гипотеза, что травмирующее событие — это некая неудача, это что-то, что не сбылось и поэтому оно повторяется и требует сбыться.

Фрейд в образовании бессознательного (в симптоме, в сновидении, в оговорке) обнаруживает неудовлетворенное желание и истину. Также Фрейд утверждает, что лучшей моделью для бессознательного является модель сновидения, содержанием которого является изображение желания субъекта в неузнаваемой форме вследствие зашифровывания его цензурой. Лакан предлагает помыслить об этом иначе. А если желание — это нехватка, желание чего-то еще, чего не существует? И тогда содержание сновидения — это уже не результат действия цензуры, а попытка найти изобразительные и выразительные средства, чтобы эту нехватку представить каким-то образом.

Фрейд говорит о сгущении и смещении как изобразительных средствах сновидения. А Лакан указывает, что они точно соответствуют лингвистической метафоре и метонимии, как двум видам изобразительных средств, открытых в исследовании языка. Лакан развивает до предела фрейдовскую логику.

Бессознательное терпит неудачу в попытке обрести существование, т. е. желание. Травму можно понимать как неудачу в том, что выразительными средствами, кото-

рые используются психикой (метафорой и метонимией) приходится выражать нечто, что существует только в этой выразительной форме и всегда не соответствует тому, что оно пытается изобразить. Это и есть первооснова расщепленности субъекта, которую открывает Фрейд,

Что мы в психоанализе ищем, как не истину? Истину, которая сделала бы нас свободными.

и это является открытием психоанализа. Фрейд прямо говорит, что расшифровка сновидения — это расшифровка ребуса и это текст, а не кинофильм.

И в докладе Константина Зайцева появляется вторая гипотеза: единственная причина травмированности человека — это использование им языка, расщепленность вследствие этого и травмированность им же.

Например, мир младенца выступает как нечто сплошное. Задача ребенка — научиться разделять, что в этой сплошности принадлежит ему, а что принадлежит маме, внешней реальности. Получается, что означающее — это та психическая структура, которая отвечает за проведение этой границы, метит её. Точно так же — в известном примере Фрейда о ребенке, который играет с катушкой в отсутствии мамы. Его игра сообщает о том, что малыш пытается провести границу между тем, что есть где-то там и есть где-то здесь, есть я и есть не я, есть сейчас и есть потом и т. д. Что есть различие как таковое. Таким образом, означающее, как элементарная единица языка, проводит разрез или выполняет функцию разреза в психической реальности младенца. А это и есть травма, которая заставляет нечто повторяться.

Если посмотреть на практику психоанализа со стороны, то мы можем увидеть, что задача психоаналитика — организовать процесс таким образом, чтобы пациент

Свобода непосредственно
связана с ограничениями.
В этой диалектике и развивается
психика. Если не присутствует
хотя бы один из этих полюсов,
то нет конфликта, нет и развития.

сам научился слышать и видеть навязчивое повторение своего страдания, которое важно ухватить в своей речи. Но это не так-то просто услышать, как кажется. Это — удача, когда повторение удастся заметить, точно также, как оговорку или как сновидение.

Из самого термина «психоанализ» следует, что анализ — это расщепление, разложение на составные части. И важно учитывать еще два обстоятельства: 1) аналитик в кабинете имеет дело только с речью пациента; 2) субъект предстает как субъект означающего, как подданный того, что под означающим расположено, т.е. такого означающего, в которое он впервые вписывается после рождения в речь другого, в речь матери, например.

Целью психоанализа является обнаружение повторяющихся тем и сюжетов, чтобы «расколдовать» повторяемость, снять зачарованность сюжетом и в результате выйти из череды повторений. И именно в этом смысле о психоанализе можно говорить как о практике свободы.

Доклад *Светланы Автономовны Аулкиной (Самара)* на тему «Судьбы свободы: поиск новых смыслов в аналитическом процессе» предлагает размышлять о свободе, как о внутренней потребности наших пациентов, и о том, как они её реализуют. Кто-то переживает ее как телесную потребность вырваться из зависимости и освободиться от пут; кто-то связывает свободу с деньгами; кто-то постигает свободу в борьбе и т. д. И все же,

Переживание свободы имеет мощную телесную составляющую — это влечение, это драйв. Тело постепенно высвобождается он нарциссического морока, от недифференцированности собственного психического аппарата, в котором нет возможности опереться на собственный опыт и услышать себя, чтобы использовать свои ресурсы и реализовывать свои собственные желания.

какие условия в процессе развития психики рождают переживания и осмысленность свободы? Как в терапевтическом процессе происходит наделение новыми смыслами в такой важной категории, как свобода?

Наши пациенты обычно образованы, адаптивны, двигаются по карьерной лестнице и при этом имеют множество проблем в близких отношениях. В терапии они стараются, исправно ходят и платят, выдают набор жалоб и формулируют «правильные» задачи для терапии, но им сложно дается символизация и рефлексия, они подспудно ожидают от аналитика действий, советов, решений. Их частый запрос на терапию: а что мне с этим делать? Это — своеобразное проявление нарциссически-организованных пациентов, которых сейчас достаточно много в наших кабинетах.

Бессознательно испытывая нужду в матери, эти пациенты нередко находят себе виртуальных матерей, грандиозных в своих обещаниях. Такая мать учит, как прокатать

Возможно ли на самом деле говорить все, о чем думаешь, если действия сопротивления и вытеснения никогда не прекращаются? Это — мнимая свобода.

женственность/мужественность, как найти жену/мужа и построить отношения, как структурировать досуг, как быть эффективным и избавиться от прокрастинации и т. д. Такая мать безгранична, психотична или погранична, дает взаимоисключающие советы. И, в отличие от живой, ее можно быстро выключить или даже найти другую. Полная свобода — можно регулировать общение так,

как хочется. Можно даже поменять пол, возраст и прочее.

Эго таких пациентов мечется в поисках решения, ищет ответы на вопросы, собирает разные мнения, но ни один совет не утешает жажду, не снимает нарастающую тревогу, лишь анестезирует на время. Это похоже на тревогу младенца, который ищет сосок матери, чтобы успокоиться, но, поймав его ртом, понимает, что это — совсем не то, что ему нужно, это — не та пища. Потому что, это — не физический голод, а эмоциональный. Это — голод по присутствующей матери, которая могла бы ограничить, помочь ребенку переварить его состояние, обозначить и назвать его словами и, согласно Бionу, перевести недифференцированные бета-элементы в альфа, тем самым сконтейнировать, накормить близостью и утешением. Так, в постоянном взаимодействии, в относительной свободе и безусловных необходимых ограничениях, шаг за шагом формируется функция самоутешения и заботы о себе, происходит необходимая дифференциация и рост психического аппарата.

Функция заботы о себе, как пишет Генри Кристал в своей книге «Интеграция и самоисцеление: аффект, травма и алекситимия», необходима для развития сильного эго, что выражается в его способности удерживать напряжение. При нарушении данной функции человек испытывает затруднения в познании базовых сфер аффекта и проявлении своего воображения, т. е. символизации и способности свободно ассоциировать. Но свобода непосредственно связана с ограничениями. В этой диалектике и развивается психика. Если не присутствует хотя бы один из этих полюсов, то нет конфликта, нет и развития. При отсутствии свободы психика связана с чрезмерным контролем, и в отсутствие ограничения она приходит к хаосу.

Свобода является врожденным правом и имеет телесное начало. И действительно, в процессе родов активны тела обоих участников: тело матери желает освободиться от младенца, а младенец желает вырваться из материнской утробы на свободу. В своей работе «Влечения и их судьба» Фрейд писал о биологическом взгляде на психическую жизнь, где влечение находится между психическим и соматическим, психические раздражения исходят из тела и проникают в психику, и работа психики происходит в соответствии с телом. То же самое в полной мере можно отнести к переживанию свободы.

Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека.

О расстройстве функции символизации может сигнализировать путаница в значениях и смыслах, в том числе и в понятии «свобода». Причиной такой задержки может быть остановка поддерживающего окружения, как, например, при нарциссических расстройствах, при тяжелых состояниях или в результате психической травмы. Первоначальный смысл, писал Винникотт, рождается в спонтанной детской игре, где ребенок делает то, что нравится, использует свое воображение, наделяет пространство внутренних процессов своими смыслами и значениями, что является основой для сложных смысловых конструкций во взрослом возрасте. Это — одновременно и телесное, и психическое переживание. Так, спонтанная детская игра создает условия для рождения первоначальных детских смыслов и превентивных желаний.

Из вышесказанного вытекают некоторые терапевтические условия для нового осмысления свободы. Во-первых, это — установление контакта со своей детской частью и создание условий для игры в анализе, ведь психотерапия происходит в перекрестном наложении поля аналитика и поля пациента, и в этом пространстве рождаются новые значения и смыслы. Что-то говорит пациент — аналитик продолжает, что-то признает аналитик — продолжает пациент и т. д. Так постепенно происходит обучение символизации. И во-вторых, в аналитическом процессе важны контейнирование, отзеркаливание и эмоционально-корректирующий ответ. Ребенок, у которого нарушены смыслы и нарушена функция осознания свободы и ограничений, получал неверный эмоциональный ответ от матери или от лиц ближайшего окружения. Постепенно в терапии с помощью корректирующего эмоционального ответа внутри психического аппарата формируются те структуры, которые не были сформированы в результате нарушения материнской функции.

Английский психоаналитик Джан Виннерс разделяет *работу с переносом* и *работу в переносе*. Работа с переносом предполагает стандартную работу, когда мы анализируем и интерпретируем перенос, когда говорим о нем и используем наши стандартные техники. А работа в переносе — это об эмоциональном корректирующем ответе, когда рядом с пациентом мы даем ему то, чего ему не хватало: иногда это — ограничение, иногда это — любовь, иногда это — восхищенный взгляд, заинтересованный взгляд, которого не хватало ребенку, когда он рос во взаимоотношениях с собственной матерью, поглощенной своими переживаниями и фантазиями.

Светлана Автономовна представила слушателям несколько визуальных образов, символизирующих свободу. Первый — это памятник «Порыв» из Филадельфии (США), автор Зенос Фрудакис, в котором он через камень передает вольность души и свободу тела. Второй — это изображение скульптуры 8-метровой высоты «Символ свободы. Странник», расположенной во Франции, на лазурном берегу Антиба, автор Жом Планс.

Памятник «Порыв», с точки зрения Светланы Автономовны, отображает важные психотерапевтические процессы: поиск осмысленной свободы и внутренних метаний в начале терапии, в постепенном высвобождении из недифференцированного состояния, вырывания из внутренних оков, пут и переживание эйфории. Переживание свободы имеет мощную телесную составляющую — это влечение, драйв. Тело постепенно высвобождается от нарциссического морока, от недифференцированности собственного психического аппарата, в котором нет возможности опереться на собственный опыт и услышать себя, чтобы использовать свои ресурсы и реализовывать свои собственные желания.

Вторая скульптура — «Символ свободы. Странник» состоит из букв. «Можно предположить, — говорит Светлана Автономовна, — что состояние осмысленной свободы рождается в осознанном символическом пространстве, где много названного и понятого, где выборы исходят из собственной идентичности, из собственных желаний и потребностей, в том числе, вырастают из собственного тела. Изображений свободы достаточно много. Часто они связаны с прорывом и с изменением состояния».

Конференция раскрыла понятие «свободы» с необычных сторон. Есть над чем задуматься, поразмышлять, поговорить, сделать выводы. Мы вместе размышляли о бессознательных ограничениях, об ограничениях в психоаналитической паре, об ограничениях в связи с пандемией; о свободе выражать себя и быть собой, несмотря на ограничения, но учитывая их. Мы говорили о несвободе свободных ассоциаций, об их детерминированности. Мы сравнивали человека, живущего в традиционном обществе, с его жестким укладом и обязательными обрядами, и человека современного, живущего «на свой страх и риск» без опоры на традиционные общественные институты. Тема всегда оказывает влияние на докладчиков и слушателей. Конечно, каждый участник вынес свои смыслы, выделил свои ключевые моменты, сделал свои открытия. Тем не менее, можно выделить общую идею, отчетливо звучащую во многих докладах и обсуждениях: мы можем ощутить себя свободными, добровольно приняв ограничения и внутренне согласившись с их необходимостью. Рамка ограничивает и одновременно создает пространство, внутри которого можно быть свободным. Отсутствие рамки не освобождает, а дезорганизует человека.

Новосибирская конференция позволила участникам раскрыться, творчески подойти к изложению своих идей, показала всё разнообразие взглядов на такие, казалось бы, понятные и известные, но одновременно закрытые и сложные процессы. Доклады вызывали желание комментировать, задавать вопросы, размышлять, обсуждать на круглом столе.

Атмосфера конференции была тёплой и поддерживающей.

Такие конференции обязательно должны собирать большее количество участников, ведь это только кажется, что мы о свободе знаем все.

